УДК 623.764(73+470+571)

КОНЦЕПЦИЯ ПАРТИЗАНСКОЙ ВОЙНЫ В ЛИТВЕ В 1920—1930-е ГОДЫ

В. Йокубаускас*

Анализируется проблема военно-тактической подготовки членов Союза стрелков Литвы (ССЛ) к партизанской войне в 1920—1930-е гг. Малые страны, такие как Литва или другие Балтийские государства, не имея возможности создать мощную армию, обеспечивающую национальную безопасность, вынуждены были искать нестандартные (с точки зрения традиционных методов) способы ведения войны, в том числе использование партизанской стратегии. В исследовании акцентируется распространение концепции партизанской войны в периодической печати этого Союза. Установлено, как менялась интенсивность внедрения в обществе Литвы, и особенно среди стрелков, концепции партизанской воины в газете ССЛ «Тримитас». Рассмотрено также, какие нарративы, связанные с партизанской темой, использовались в целях пропаганды, создавая образ партизана, защитника Родины — Литвы. Анализируются структура и численность Союза в сравнении с похожими организациями в других «малых странах» северо-восточной части Балтийского региона. Исследуется вопрос, какие военные задачи были предусмотрены в планах армии Литвы и как к выполнению этих задач готовились стрелки. Поскольку ССЛ не только осуществлял военную подготовку населения, но и вел патриотическую пропаганду, описывается база культурных учреждений Союза — Дома стрелков, оркестры, библиотеки, хоры, спортивные клубы. Цель статьи — установить, возможна ли была потеря суверенитета Литвой в довоенные годы без последствия — длительной партизанской войны.

Ключевые слова: партизанская война, Союз стрелков Литвы, парамилитарные организации, военная стратегия.

* Клайпедский университет.
LT-92294, Литва, Клайпеда,
ул. Геркаус Манто, 84.

Поступила в редакцию 12.02.2012 г.

Si vis pacem, para bellum[1] — известная фраза римского историка Корнелия Непота актуальна во все исторические времена. Военные стратеги разных стран чаще всего задаются вопросом: какие меры следует принять, чтобы в эвентуальной войне достичь победы? Наиболее эффективный способ добиться такой «победы» — избежать самого вооруженного конфликта при достижении определенных целей, выдвинутых правительством. В странах, геополитическая доктрина которых обосновывается целью сохранения государственного суверенитета и территориальной целостности, наиболее адекватным методом сдерживания внешних экспансионных угроз, несомненно, считается тактика военного устрашения. Доктрина военного устрашения подходит для государств, которые обладают — по сравнению с военной мощью эвентуального врага — большими мобилизационными и тактико-техническими ресурсами. Однако малые государства таким преимуществом отличаются крайне редко. Разумеется, иногда существует возможность достичь эффекта устрашения с помощью синергии военной мощи отдельных государств, но в таком случае требуется создание межгосударственных военно-оборонительных альянсов. Кроме того, доктрину военного устрашения можно «строить» и на основе концепции «вооруженного народа» — партизанской войны.

Сама идея такой войны давно и широко известна. Как заметил политический философ Карл Шмитт, уже в начале XIX в. партизаны в Испании и России, а в ограниченных масштабах и в Австрии сражались с первой современной массовой армией — военными силами Первой Французской империи. Как известно, тактика партизанской войны позволила достичь сравнительно положительных результатов, и ее элементы используются до сих пор [3]. По мнению военного историка Мартина ван Кревельда, в случае военного конфликта между странами с чрезвычайно различающейся мощью оборонительная тактика более слабой стороны должна опираться на природные препятствия или фортификационные сооружения, которые компенсируют военное превосходство противника. Другая возможность — избегать решающего сражения и применять тактику засад, неожиданных нападений, отступлений, стараясь перехватить военную инициативу, так как вступление в открытый бой привело бы не к победе, а к резне. В то же время автор подчеркивает, что слабость обороняющейся стороны становится существенной силой, поскольку сама способность выживать становится предпосылкой победы, а для сильной стороны «поражением» является война со слабым противником. Чем дольше длится такая война, тем больше возможностей у слабой стороны достичь победы, а у сильной — потерпеть неудачу [2].

Из этих теоретических рассуждений вытекает, что одно из самых рациональных решений — это принятие концепции малой войны и последовательное внедрение в систему военной подготовки своих вооруженных сил тактических элементов ведения партизанской войны. Такая концепция совершенно соответствовала военной доктрине армии Лит-

[1] Если хочешь мира, готовься к войне.

вы в 1920—1930-х гг. Эту доктрину кратко можно описать так: Литва в войну будет втянута в случае крупномасштабного конфликта в Восточной Европе, ее армия будет, сражаясь, отступать и впоследствии вместе с правительством интернируется в дружеской стране. Тем временем на занятой врагом территории Литвы стрелки будут вести партизанскую войну, ожидая освобождения страны победившими союзниками [1].

В данной статье анализируется проблема безопасности Литвы в 20—30-е гг. XX в., а конкретно — применение концепции партизанской войны. Цель исследования — установить, какие структуры вооруженных сил Литвы и как готовились к партизанским действиям, поскольку вопрос *почему* (если знать геополитическое положение довоенной Литвы [11]) не нуждается в дополнительном обсуждении. В статье исследуется вопрос, какие последствия партизанская подготовка может вызвать в случае вторжения вражеской армии?

Историографических работ, посвященных проблематике развития стратегии партизанской войны в Литве, очень мало, и их можно разделить на две группы. К первой относятся труды, в которых дается обзор партизанских действий стрелков — членов военно-общественной организации Союз стрелков Литвы (ССЛ) — в войнах за независимость Литвы (1919—1920 гг.), в период военных пограничных столкновений с вооруженными силами Польши в 1921—1923 гг., которые происходили возле нейтральной зоны между Литовской и Польской Республиками, а особенно во время занятия Польскими войсками Виленского края — территории, еще известной как Срединная Литва (пол. *Litwa Środkowa*) [9; 12; 14; 24]. Ко второй группе принадлежат труды, исследующие военные функции ССЛ [8; 21; 22]. Следует констатировать, что в историографии Литвы практически отсутствуют исследования, уделяющие специальное внимание проблеме влияния довоенного опыта и возможных сценариев партизанской тактики в действиях литовского вооруженного сопротивления 40-х гг. XX вв.

Союз стрелков Литвы: структура и численность

ССЛ был основан в июне 1919 г. в целях обороны мирного населения от грабежа солдат Рабоче-крестьянской Красной армии, армии Польши, Западной добровольческой армии и разных мародеров. ССЛ формировался на основе спонтанно создавшихся партизанских отрядов. Во время войн за независимость Литвы в партизанском движении принимало участие около 0,75 % всего населения Литвы [8]. До самой ликвидаций ССЛ 11 июля 1940 г. основными элементами в структуре Союза были отдельные взводы и роты, которые функционировали автономно, объединяя членов ССЛ отдельных поселков, городков, а в крупных городах — и заводов, кооперативов, государственных учреждений и городских кварталов. Таким образом, ССЛ выступал территориальной, сетевой и автономной структурой, членство в которой было добровольным и поддерживалось патриотизмом. Важной особенностью

Союза стало то, что своей жизнеспособности он мог не терять даже после уничтожения центральных штабов или после формальной ликвидации самой организации. Взводы и роты ССЛ, в которые входили жившие по соседству, близко знакомые люди или даже родственники, могли общаться между собой и с другими взводами, организовывать и оказывать существенное военное сопротивление даже в условиях захвата территории вражескими войсками.

ССЛ действовал по территориальному принципу, стрелки каждого уезда принадлежали к отдельной военной части — территориальному формированию (лит. *rinktinė*[2]), которое само по себе не было военно-тактическим подразделением, а лишь административной единицей. Поэтому военные задачи выполняли не территориальные формирования, а отдельные роты и взводы ССЛ. В 1940 г. таких формирований всего насчитывалось 22, а одно из них — территориальное формирование железнодорожников XXII — действовало по всей стране. В составе всех территориальных формирований было около 1200 взводов, но в городах они иногда были объединены в роты. Таким образом, отдельных подразделений было меньше — 872. Около 70 % членов ССЛ составляли жители сельских местностей и небольших городков [12], в результате чего взводы часто располагались сравнительно далеко друг от друга и не были многочисленными.

Конечно, масштабы сопротивления могли бы зависеть от величины ССЛ, но по этому вопросу следует выделить два дополнительных аспекта. Первый — число имеющих военную подготовку людей, которые могли бы сражаться и обучать новобранцев партизанских отрядов. Второй — поддержка бойцов местными жителями, которая была крайне важна для успеха и продолжительности сопротивления. Нет сомнений в том, что от поддержки и обеспечения со стороны мирного населения в решающей мере зависит успех партизанских действий. *A priori* ясно, что чем больше людей принадлежат к ССЛ, тем сильнее общество будет поддерживать их действия, при этом не обязательно полностью разделяя их убеждения, но из-за влияния прочных социальных связей. В семейное окружение каждого стрелка — а в довоенной Литве семья в среднем состояла из 4,7 человека [23] — входили родители, братья, сестры и другие родственники. Теоретически можно предположить, что набольшая часть жителей страны, которые состояли в ССЛ, могли пользоваться поддержкой большинства населения; 2,79 % принадлежавших к ССЛ (табл. 1) через семейные связи[3], а в основном через другие социальные связи могли «втянуть» в деятельность организации около 1/8 населения довоенной Литвы.

[2] Дословный перевод *rinktinė* на русский — *сборная*, но по смыслу логичнее этот термин перевести как *территориальное формирование*.

[3] Конечно, это только теоретическое предположение, поскольку часть стрелков были членами одной семьи.

Таблица 1

Динамика численности ССЛ 1919—1940 гг.

Год	Число подразделений	Строевые	Нестроевые	Всего	Население, млн человек	Доля членов ССЛ от всего населения страны, %
1919	39	—	—	800	~ 2	0,04
1921	—	5224	3160	8384	~ 2	0,42
1922	—	4628	4070	8698	~ 2	0,43
1923	—	—	—	10 546	2,14	0,49
1924	321	9757	4490	14 247	2,176	0,65
1925	370	11 748	5568	17 316	2,204	0,79
1926	436	11 313	6955	18 268	2,228	0,82
1934	—	28 478	—	—	2,476	—
1935	—	24 976	8300	33 276	2,5	1,33
1940	872**	48 107	20 000	68 107	2,443*	2,79

* С Вильнюсским краем — 2,925 млн человек.
** В историографии указывается, что в 1940 г. в ССЛ было 1200 взводов.
Составлено на основе: [8, p. 55—56; 23, p. 126; LCVA, f. 929, ap. 3, b. 560, l. 66.; LCVA, f. 929, ap. 5, b. 408, l. 1.; *Kardas*, 1937, N 13, p. 315].

Разумеется, представленные данные сами по себе не могут ответить на вопрос, насколько значительно мог расширяться контингент ССЛ. Для этого нужен сравнительный анализ данных Литвы и других похожих стран Балтийского региона — Латвии, Эстонии и Финляндии. Сравнивать данные о парамилитарных организациях упомянутых стран в 1939—1940 гг. будем по трем параметрам: 1) абсолютная численность; 2) доля членов организации от всего населения страны; 3) плотность строевых членов на территориях стран. Во-первых, мы узнаем, какой военной мощью (в смысле живой силы) обладали похожие и склонные к партизанскому движению организации стран северо-восточной части Балтийского региона. Во-вторых, сможем ответить на вопрос, насколько широка была поддержка населения, которой пользовались эти организации. А в-третьих, можно будет лучше понять, с какой плотностью в случае войны могли действовать партизанские подразделения.

Сравнительный анализ показывает, что больше всего членов было в парамилитарных организациях Финляндии, а второе место по этому показателю занимает самая маленькая из сравниваемых стран — Эстония; Литва была на третьем месте (табл. 2). Но, сравнив плотность строевых членов организаций (то есть число потенциальных бойцов партизанских отрядов), мы видим, что данные Литвы и Эстонии в два-три раза превышают показатели двух других стран. Из этого следует, что количество строевых членов ССЛ было достаточно для того, чтобы вести сравнительно интенсивную партизанскую войну на всей территории Литвы, одновременно контролируя, хоть и ограниченно, эту терри-

торию и население. Поскольку подсчитано, что оптимальное число бойцов для партизанской территориальной обороны в Литве было бы около 30—50 тыс.[4], то есть в среднем около 0,5—0,8 партизана на 1 км² территории страны [4], можно утверждать, что 48 107 строевых стрелков в 1940 г. вполне хватило бы для довольно плотной сети партизанского движения.

Таблица 2

Численность военно-общественных организаций 1939—1940 гг.

Страна	Население, млн человек	Территория страны, км²	Строевые члены организаций, человек	Доля в населении страны, %	Плотность строевых членов организаций территорий, чел./км²
Литва	2,443	52 822*	48 107	1,97	0,91
Латвия	1,995	65 791	31 874	1,6	0,48
Эстония	1,134	47 549	42 673	3,76	0,9
Финляндия	3,7	383 150	119 500	3,23	0,31
Итого	9,272	549 312	242 154	2,61	—
В среднем					0,44

* 1923—1939 г. территория Литвы с Клайпедским краем (2848 км²) была 55 670 км², с конца 1939 г. с Вильнюсским краем (6909 км²), но без Клайпедского — 59 731 км².

Составлено на основе: [8, p. 58]; *Pētersons* A. Krustugunis. Latviešu karotmāka 1940—1945. 60 gadus no tautas slēptais. Riga, 2007. L. 114—115.; *Эстония* : энциклопедический справочник / ред. А. Раукас. Таллин, 2008. С. 54.; *Jowett P., Snodgrass B.* Finland at War 1939—45. Oxford, 2006. P. 18; 25—27; 29.

Важно заметить, что около половины строевых стрелков были резервистами и в случае военной мобилизации должны были быть призваны в регулярные части Литовской армий, которая в 1940 г. состояла бы из примерно 125—150 тыс. солдат, разделенных на пять пехотных дивизий и другие части кавалерии, артиллерии и т. д. [1]. В конце 1934 г. из 28 478 строевых стрелков, среди которых было 344 офицера резерва, 10 697 резервистов I класса (37,56 %), а остальные стрелки — 17 781 человек — были вооружены 7438 винтовками и 20 легкими пулеметами [25, l. 1], должны были не только оставаться в своих подразделениях и обеспечивать безопасность тыла армии, но также вести партизанскую войну на территории, занятой врагом. Спустя почти 6 лет, в 1940 г., число резервистов I класса среди стрелков выросло до 19 067, или до 39,63 % от всего контингента строевых стрелков, то есть по сравнению с данными 1934 г. изменилось только на два процентных пункта. В это время в ССЛ насчитывалось 27 478 винтовок, 3160 пистолетов и уже 378 легких пулеметов [8]. Такого числа стрелкового оружия для остальных 29 040 строевых стрелков вполне хватало. Кроме

[4] Подсчеты делались уже в 1990-е гг. по территории послевоенной Литвы — 65 300 км².

того, поскольку ССЛ оружием обеспечивала армия, у которой в 1940 г. был излишек винтовок и легких пулеметов[5] [6, l. 11], при необходимости стрелки могли оперативно получить дополнительное количество оружия со складов армии. К тому же нужно добавить, что подразделения ССЛ, находившиеся вблизи границ, оружием (заранее) были обеспечены лучше.

Важным фактором, влиявшим на сближение литовского общества и ССЛ, можно считать широкий масштаб деятельности этой организации, которая занималась отнюдь не только военной подготовкой своих членов. За два десятилетия деятельности в Литве ССЛ создал сеть культурных учреждений: в 1939 г. в Литве действовало 72 Дома стрелков, 125 хоров, 417 любительских театральных трупп, 105 оркестров и 350 библиотек. Также существовало множество спортивных команд и различных курсов. В состав ССЛ входила широкая сеть пожарных команд, например в 1939 г. в 175 командах уже насчитывалось 4352 стрелка-пожарника [12]. Следует отметить, что в довоенной Литве, особенно в провинции, общественно-культурная жизнь вращалась вокруг ССЛ и была тесно связана с деятельностью стрелков.

Распространение концепции партизанской войны в газете ССЛ «Тримитас»

В течение двадцати лет, с 1920 по 1940 г., ССЛ издавал еженедельник «Тримитас» (лит. *Trimitas*), тираж которого в 1939 г. составлял уже 25 тыс. экземпляров и который по сравнению с другими популярными печатными органами довоенной Литвы был довольно крупным изданием, позволявшим не только распространять патриотические идеи, но и внедрять в сознание стрелков концепцию партизанской войны. Существуют конкретные данные, что «Тримитас» должны были выписывать не менее 75 % стрелков в каждом взводе [20].

В 1924—1940 гг. вышло 852 номера еженедельника. Анализ доступных 766 изданий (89,9 %) «Тримитаса» позволяет утверждать, что понятия, связанные с партизанами или партизанской войной, в разных контекстах употребляются в 416 номерах (54,3 %) газеты, и эта цифра показывает, что данная тема «отстает» лишь от двух более популярных, связанных с проблематикой Вильнюсского и Клайпедского краев. Можно выделить несколько основных вопросов в обсуждаемых публикациях: история партизанских действий в Литве в 1918—1923 гг.; пропаганда, агитация и тактические советы, направленные на подготовку к грядущей войне; партизанские учения стрелков; разнообразные мотивы из военной истории Литвы. Кроме того, в газете печатались удачные примеры зарубежных партизанских войн, особенно в Китае против

[5] В армии Литвы числилось 137 500 винтовок калибра 7,92 мм (и 96,6 млн патронов), а необходимость для вооружения в военное время составляла лишь 100 825. Кроме того, имелось 10 тыс. винтовок с 1,9 млн патронов других калибров; легких пулеметов калибра 7,92 мм было 3755, а штатная необходимость составляла 2558.

Японии, в Эфиопии против Италии и т. д. Характерно, что в перечисленных текстах партизаны изображались героями, защитниками своего отечества. Таким образом, не только создавалось мнение о партизанах в других странах (конечно, кроме Польши), но и внедрялась установка но то, что, несмотря на превосходство сил противника, партизанскую войну довольно успешно могут вести и слабые страны.

Полковник генерального штаба Стасис Раштикис, будущий командир Литовской армии, в опубликованной в 1933 г. статье о тематике, о которой следует писать в «Тримитасе», констатировал, что каждый стрелок должен быть не только патриотом, но и готовым в любой момент начать партизанскую войну (даже действуя индивидуально). Такую идею, по словам С. Раштикиса, стрелкам следовало излагать языком, понятным каждому [20, 1933, № 5, p. 85]. В 1937 г. министр обороны Литвы бригадный генерал Стасис Дирмантас на собрании представителей ССЛ заявил: «прилежно учите военные предметы, а особенно партизанские действия на практике» [20, 1937, № 10, p. 220]. Склонность к концепции партизанской войны выразил и командир ССЛ, полковник Пранас Саладжюс, подчеркнувший, что партизаны могут длительное время продержаться на территории, оккупированной вражескими силами, поскольку их опора — не легко уязвимые военные базы, а родные хутора, семьи и патриотизм [20, 1937, № 25, p. 581].

Анализ статей издания «Тримитас» (см. рис.) показывает, что интенсивность эксплуатирования партизанской темы впервые усилилась в 1929 г. Эта тема не утратила популярности и в последующие годы, но диаграмма на рисунке отражает тенденцию ее снижения. Однако с 1934 г. число номеров газеты, в которых упоминались партизаны или партизанская война, внезапно удвоилось и продолжало расти до 1939 г. Первый рост, вероятно, связан с определенными попытками поощрить конфликтные отношения с Польшей. А рост, начавшийся в середине 1930-х гг., наверняка обусловлен осложнившейся международной обстановкой в регионе в связи с возрастающей угрозой войны, а также с приходом на пост командира армии Литвы С. Раштикиса.

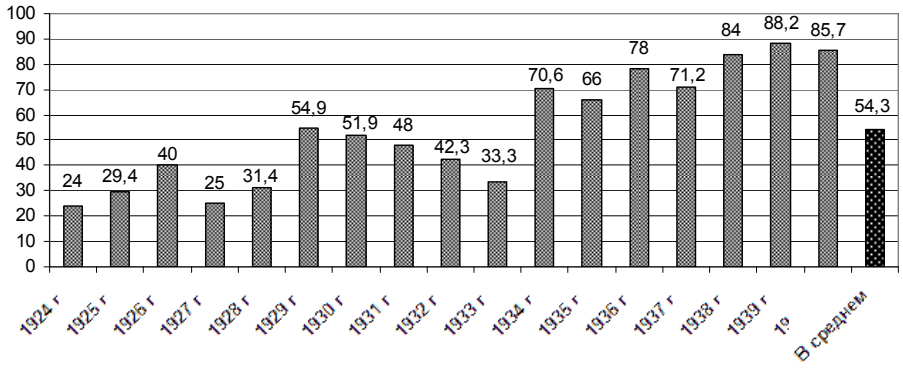

Рис. Доля номеров еженедельника «Тримитас» (1924—1940 гг.), в которых обсуждается тематика партизан и партизансой войны, %

Военные планы и учения

Уже в 1924 г., то есть спустя год после демобилизации Литовской армии, в печати появились предложения в случае войны создавать партизанские отряды составом до 60 бойцов. Они должны были действовать автономно, днем скрываться в лесах, избегая открытых столкновений с вооруженными силами врага, и атаковать из засад, в основном по ночам [20, 1924, № 192, p. 19]. Встречались даже предложения в случае войны всем здоровым мужчинам уйти в лес и объединиться в партизанские отряды. В деревенской местности, где тогда проживало около 4/5 населения Литвы, оставшимся женщинам и детям следовало самим обеспечивать себя, как и партизанским отрядам, где насчитывалось по 40—60 бойцов, которые должны были сами добывать провиант и оружие с амуницией, активно действуя и грабя вражеские обозы и склады. Обнаружить такие немногочисленные отряды в захваченной плохо знакомой местности и в своем тылу врагу было бы трудно [20, 1924, № 195, p. 16].

В 1926 г. начальник штаба армии Литвы, полковник генерального штаба Казис Шкирпа планировал, что в случае войны в тылу врага необходимо организовать широкомасштабную партизанскую войну и таким образом поддерживать регулярные войска [21]. Начальник ССЛ согласился, что такие действия со стороны стрелков возможны, но добавил, что отрядам также нужны офицеры и унтер-офицеры [13, l. 14]. Стрелков обучали, как формировать партизанские отряды; уже с середины 1920-х гг. среди них распространялась идея вооруженной нации [20, 1926, № 40, p. 1275]. Министерство обороны Литвы считало, что структура ССЛ важна в системе обороны страны не только как инструмент внедрения в общественное сознание патриотизма, но и в военном смысле. Стрелки должны были быть подготовлены к обороне границ в случае войны и обеспечивать прикрытие мобилизации и концентрации регулярных вооруженных сил. Считалось, что стрелки не заменили бы регулярных войск, но могли бы в партизанских отрядах действовать против врага и этим поддерживать свои войска. Также стрелков предлагалось использовать в тыловых службах. Стрелки-партизаны должны были действовать маленькими группами или поодиночке на знакомой территории, отличаться хорошими знаниями картографии и быть отличными снайперами [20, 1926, № 37, p. 1180, 1192]. Принимая во внимание вышеупомянутые критерии, в том же 1926 г. ССЛ издал «Конспект лекций по партизанским действиям» [14, p. 110].

Конечно, высшее военное руководство Литвы теориями и рассуждениями не ограничивалось — велась и тщательная подготовка. В течение 1926—1939 гг. в военном училище, готовившем аспирантов — офицеров резерва, было выпущено 2585 младших лейтенантов [7, p. 354]. Данное училище также уделяло много внимания обучению партизанской тактике, поскольку считалось, что границы Литвы с эвентуальными врагами протяженные, армия маленькая, а значительные участки границ следует оборонять, используя партизанские действия немногочисленных подразделений. Этому и учили будущих офицеров [10, 1930, № 11, p. 166].

В 1928 г., во время проведения осенних маневров армии в Кедайняйском уезде, местные стрелки под командованием офицера в отставке имитировали создание партизанского отряда и «захватили» штаб кавалерийского полка, который в маневрах играл роль противника — армии Польши [20, 1928, № 39, p. 1267]. Похожим образом партизанские действия разыгрывались и в маневрах, в которых принимали участие несколько взводов стрелков из соседних местностей. Такие маневры проводились 20 октября 1929 г. в Мариямольском уезде [20, 1929, № 45, p. 754]. Такие же военные полевые учения организовывались и в последующие годы [20, 1930, № 16, p. 318; 1935, № 6, p. 108; № 10, p. 182; № 14, p. 256; 1939, № 18, p. 430; № 45, p. 1102], принимали участие в них и регулярные части армии [20, 1936, № 11, p. 260]. Стрелки-партизаны на практике учились тактике занятия различных населенных пунктов. Во время маневров 11 ноября 1934 г. в Паневежисском уезде партизаны штурмом «взяли» городок Смилгяй [20, 1934, № 47, p. 914]. Учения партизанских действий проводились и ночью, что на практике чрезвычайно важно [20, 1934, № 40, p. 800]. В 1937 и 1938 гг. стрелки в роли партизан участвовали в больших осенних маневрах Литовской армии [8, p. 56].

Ежегодно в ССЛ вступали новые члены, которых нужно было подготавливать не только практически, для действий на «поле боя», но и теоретически. Например, в 1934 г. в полевых военных учениях участвовало 70 % строевых стрелков, в обучении стрельбе — 75 %. В этом же году ССЛ пополнился 4097 новобранцами, которые прошли военные учения и сдали экзамен [20, 1935, № 7, p. 116]. В отрядах стрелкам читались и теоретические лекции о партизанской тактике [20, 1939, № 19, p. 453.; 1940, № 14, p. 342] или такие, как, например, «Партизанская война, дисциплина и пропаганда» [20, 1935, № 33, p. 599], которые были необходимы и давали положительные результаты.

Ясно осознавалось, что успешное ведение партизанской войны решающим образом зависело от местности. Леса (особенно хвойные), кустарники, болота и холмистые местности идеально подходили для партизанских действий, могли помочь скрыться от вражеской авиации, моторизованных или танковых частей и артобстрела [20, 1939, № 28, p. 684]. Другое важное условие, оказывавшее влияние на удачность партизанских действий, — это поддержка местного населения, без которой ведение партизанской войны было бы весьма затруднительным [20, 1940, № 24, p. 585]. Тем не менее существовало ясное понимание того, что в условиях Литвы возможна только партизанская, но не позиционная война. Было необходимо достичь того, чтобы каждый гражданин хорошо осознавал специфику и важность партизанских действий и чтобы каждая деревня, лес и долина могла превратиться в «крепость» [15, p. 191]. Распространялось мнение, что в будущем всем литовцам придется поддерживать партизанскую войну и обеспечивать бойцов [20, 1931, № 52, p. 1032—1033]. Кроме того, ясно осознавалась обязанность бойцов носить униформу. Таким образом, в глазах врага они могли выглядеть комбатантами, обращение с которыми должно

было соответствовать нормам международного гуманитарного права [10, 1939, № 19, p. 489].

В 1935 г. был принят отдельный закон, а в 1936 г. и новый статут ССЛ, в котором констатировалось, что стрелки не только могут, но и обязаны активно организовывать военные учения, поскольку в будущей войне им предстоит вести партизанские действия [20, 1936, № 31, p. 730]. Военных командиров стрелковых взводов теперь уже назначал штаб армии, а стрелки стали носить такую же униформу, как и солдаты регулярной армии. Четкая армейская субординация, дисциплина и военная подготовка стали постоянными приоритетами деятельности ССЛ [17, p. 399—406]. В 1940 г. в рядах ССЛ насчитывалось 872 командира стрелковых подразделений, 404 из которых были офицерами резерва, а еще 192 — бывшими старшинами и унтер-офицерами. Таким образом, более 2/3 командного состава ССЛ прошло военное обучение в армии Литвы. Кроме того, в ССЛ состояло и большинство полицейских, пограничников и учителей довоенной Литвы [8, p. 55—56].

В директиве штаба армий ШАДИР от 1938 г. о предназначении ССЛ указывалось, что в случае военного столкновения часть стрелков должна оставаться в тылу врага и вести там партизанскую войну [19, l. 12]. Такой линии штаб придерживался и в 1940 г. Партизаны должны были действовать в хорошо знакомой местности (лесной и болотистой), небольшими отрядами или индивидуально, иметь легкое вооружение. Эти указания повторялись и в статутах пехоты и кавалерии армии Литвы. Для стрелков были изданы специальные книги с тактическими рекомендациями — «Партизанская тактика» и «Особенности тактики стрелков» [8, p. 58—61]. В случае внезапного нападения членам ССЛ следовало действовать автоматически, без дополнительных приказов центральной власти [18, l. 31].

Один из военных теоретиков Литвы рассматриваемого периода, преподаватель военной подготовки в университете, майор генерального штаба Витаутас Булвичиус накануне окончания мира в Европе в изданной в 1939 г. книге отобразил общий взгляд армии Литвы на то, как в недалеком будущем должна будет вестись война. Наряду с использованием боевых возможностей военной авиации и танков, автор акцентировал и важность партизанского движения, проделал анализ военных действий в условиях Литвы и четко определил, кто должен в случае нападения начать и вести партизанскую войну. Безусловно, это были стрелки [5, p. 97, 145]. Одно из последних указаний, которые члены ССЛ получили от штаба армии Литвы, датируется апрелем 1940 г.: в директиве об использовании сил Союза стрелков в случае войны писалось, что Германия по окончании военного конфликта на Западе может напасть на Литву, и в этом случае стрелкам следует прикрывать мобилизацию; отступая, уничтожать инфраструктуру, защищать в тылу важные объекты. Каждый стрелок, оставшийся в тылу врага, должен был вести партизанскую войну [16, l. 44]. Для этого Союзу была поставлена цель — популяризировать движение стрелков в Литве под лозунгом

«*Sušaulinti Lietuvą*»[6], который призывал к массовому вступлению в Союз и приближал к воплощению идеала вооруженной и патриотически настроенной нации [20, 1933, № 16, p. 302].

Выводы

Опыт партизанских действий, приобретенный в войнах за независимость Литвы, не был забыт в довоенный период. Концепция партизанской войны в общественном дискурсе активно эксплуатировалась с помощью печати. Существовали и военные планы армии Литвы, в которых ясно изложены инструкции стрелкам для ведения партизанской войны. Основной структурой, через которую происходила подготовка населения к партизанской войне, была ССЛ. Однако поскольку с 1935 г. ССЛ подчинялся командиру армии, можно утверждать, что к партизанской войне в Литве готовилась структура комбатантов, а это важно с точки зрения международного гуманитарного права.

Интенсивность распространения концепции партизанской войны в газете «Тримитас» и общая подготовка стрелков к действиям такого рода в довоенные годы проводилась постоянно, но можно выделить и наиболее активные периоды такой деятельности. Один из них явно связан с конфликтом между Литвой и Польшей в Лиге Наций и проявился в 1929 г. Второй — с 1934 по 1940 г. — отражал перемены не только в командовании армии Литвы и ее перевооружении, но и в самой военной доктрине, которая в ряды «врагов» включила и Германию. Это очевидно показывает, что на увеличение военной угрозы верховное командование литовской армии реагировало усиленной подготовкой ССЛ к партизанской войне.

Полуавтономная структура ССЛ гарантировала, что в случае вторжения вражеских войск на территорию Литвы стрелки, сохраняя свои взводы и внутреннею военную субординацию, могли, а по довоенным планам и указаниям *a priori* были обязаны начать партизанскую войну. Из этого следует, что в 1920—1930-е гг. существовало распространенное мнение, что в будущем любые агрессивные территориальные аспирации соседних стран возможны лишь с ведением длительной партизанской войны. Разумеется, все эти меры в довоенные годы в основном были направлены против эвентуальной агрессии со стороны Польши, а начиная с 1930-х гг., — и со стороны Германии, то есть против стран, воевать с которыми вовсе не пришлось.

Список литературы

1. *Йокубаускас В.* Военная доктрина и оборонительные планы Литвы в конце 30-х годов XX века // Исследования Балтийского региона: вестник Социально-гуманитарного парка БФУ им. И. Канта. 2011. № 2 (8). С. 27—49.

[6] Дословный перевод на русский язык невозможен, но по смыслу лозунг означал «милитаризовать Литву» и призывал к тому, чтобы ССЛ играл активную роль, физически и морально подготавливая к войне не только стрелков, но и всех жителей страны.

2. *Кревельд М. ван.* Трансформация войны. М., 2008.

3. *Шмитт К.* Теория партизана: промежуточное замечание по поводу понятия политического / пер. с нем. Ю. Коринца. М., 2006.

4. *Adamonis S.* Partizanų karas (strategija ir taktika). Kaunas, 1997.

5. *Bulvičius V.* Karinis valstybės rengimas. Vilnius, 1994 [первое издание — 1939].

6. Ginklavimo turto stovio žinios 1940 07 01. LCVA. F. 3. Ap. 1. B. 256, l. 11.

7. *Jasevičius A. et al.* Lietuvos kariuomenės karininkai 1918—1953. T. 3. Vilnius, 2003.

8. *Jokubauskas V.* Žvelgiant į ateitį: partizaninės kovos taktikos sklaida Lietuvoje ir jos įgyvendinimas 1944—1953 m. // Genocidas ir rezistencija. 2011. №1 (29). P. 51—68.

9. *Jurevičiūtė A., Veilentienė A.* Šauliai Nepriklausomybės kovose // Lietuvos istorijos studijos. 1998. №6. P. 62—71.

10. *Kardas.* 1924—1940.

11. *Laurinavičius Č., Motieka E., Statkus N.* Baltijos valstybių geopolitikos bruožai XX amžiuje. Vilnius, 2005.

12. *Lietuvos* šaulių sąjunga valstybės ir visuomenės tarnyboje 1919—2004 / Sud. V. Kavaliauskas, J. Širvinskas, S. Jegelevičius. Kaunas, 2005.

13. *LŠS* viršininko 1926 05 31 raportas Vyriausiojo štabo viršininkui. LCVA, f. 929, ap. 3, b. 560, l. 14.

14. *Matusas J.* Šaulių Sąjungos istorija. Sud. A. Liekis. Vilnius, 1992 [первое издание — 1939].

15. *Medelis R.* Kariškas parengimas pradžios mokykloje // Tautos mokykla. 1939. №9. P. 191.

16. *Nurodymai* šauliams priedangai panaudoti 1940 04 16. LCVA. F. 561. Ap. 18. B. 187, l. 44—48.

17. *Raštikis S.* Kovose dėl Lietuvos. T. 1. Vilnius, 1990 [первое издание — 1956].

18. *Šauliams* mobilizacijos ir operacijų metu panaudoti nurodymai 1939 04 05. LCVA. F. 929. Ap. 3. B. 1028, l. 30—36.

19. *Šauliams* panaudoti direktyva ŠADIR, 1938 10 03. LCVA, f. 929, ap. 3, b. 1028, l. 12—21.

20. *Trimitas.* 1924—1940.

21. *Vaičenonis J.* Lietuvos kariuomenės modernizacija (1926—1939) // Darbai ir dienos. 2001. T. 21. P. 131—176.

22. *Vaičenonis J.* Lietuvos šaulių sąjunga Valstybės gynyboje 1935—1940 m. // Lietuvos šaulių sąjungos istorijos fragmentai / red. J. Vaičenonis, S. Dovydaitis. Kaunas, 2002. P. 110—119.

23. *Vaitiekūnas S.* Lietuvos gyventojai per du tūkstantmečius. Vilnius, 2006.

24. *Vareikis V.* Pasienio incidentai. (Lietuvos šaulių partizaninė veikla) // Darbai ir dienos. 2004. T. 40. P. 109—128.

25. Žinios apie šaulius ir apginklavimą, 1934 m. LCVA, f. 929, ap. 5, b. 408, l. 1.

Об авторе

Йокубаускас Витаутас, докторант, кафедра истории гуманитарного факультета, Клайпедский университет.

E-mail: pilsotas@yahoo. com

THE CONCEPT OF GUERRILLA WARFARE IN LITHUANIA IN THE 1920—1930S

V. Jokubauskas

Klaipėda University
84, Herkaus Manto, Klaipeda, LT-92294, Lithuania

Received on February 12, 2012

This article analyses the military and tactical training of the members of the Lithuanian Riflemen's Union for guerrilla warfare in the interwar period. Small nations, such as Lithuania and other Baltic States, being unable to build up military strength in order to ensure national security, were forced to seek for unconventional methods of warfare, including guerrilla strategies. The study places emphasis on the development of the guerrilla war concept in the Union periodicals. The author retraces the change in the intensity of guerrilla warfare concept propagation amongst Lithuanian population and riflemen, in particular, through publications in the Trimitas — a periodical of the Lithuanian Riflemen's Union. The author also identifies the narratives associated with the guerrilla matters employed for propaganda purposes in order to create the image of a guerrilla as a defender of the Homeland — Lithuania. Additionally, the structure and numbers of the Union are analysed through a comparison with similar organisations of other «small nations» of the Baltic North-East. The author addresses the issue of military missions planned by the Lithuanian Army, as well as the way riflemen implemented them. Since the Union did not only offer military training, but was also engaged in patriotic propaganda, the article focuses on the network of cultural institutions, homes of riflemen, orchestras, libraries, choirs, and athletic clubs used by the Union. The article sets out to establish whether the loss of Lithuanian sovereignty could have been possible without giving rise to a protracted guerrilla war.

Key words: guerrilla warfare, Lithuanian Riflemen's Union, paramilitary organisations, military strategy.

References

1. Jokubauskas, V. 2011, *Issledovanija Baltijskogo regiona: vestnik Social'no-gumanitarnogo parka BFU im. I. Kanta [*the Baltic Sea Region Studies: Journal of Social and Humanitarian Park Immanuel Kant Baltic Federal University*]*, no 2 (8), pp. 27—49.

2. Kreveld, van M., 2008, *Transformacija vojny [Transformation of War],* Moscow.

3. Schmitt, C, 2006, *Teorija partizana: Promezhutochnoe zamechanie po povodu ponjatija politicheskogo [Theory of Partisan: Intermediate remark about the notion of political],* Moscow.

4. Adamonis, S. 1997, *Partizanų karas (strategija ir taktika),* Kaunas, Belovo leidykla.

5. Bulvičius, V. 1994, *Karinis valstybės rengimas,* Vilnius.

6. *Ginklavimo turto stovio žinios* 1940 07 01. LCVA, f. 3, ap. 1, b. 256, l. 11.

7. Jasevičius, A. et al. 2003, *Lietuvos kariuomenės karininkai 1918—1953,* T. 3, Vilnius.

8. Jokubauskas, V. 2011, Žvelgiant į ateitį: partizaninės kovos taktikos sklaida Lietuvoje ir jos įgyvendinimas 1944—1953 m. [Looking to the future: guerrilla tactics against the dissemination of Lithuania and its implementation in 1944-1953], *Genocidas ir rezistencija,* no 1 (29), pp. 51—68.

9. Jurevičiūtė, A., Veilentienė, A. 1998, *Lietuvos istorijos studijos,* no 6, pp. 62—71.

10. *Kardas*, 1924—1940.

11. Laurinavičius, Č.,Motieka, E., Statkus, N. 2005, *Baltijos valstybių geopolitikos bruožai XX amžiuje,* Vilnius.

12. *Lietuvos šaulių sąjunga valstybės ir visuomenės tarnyboje 1919—2004,* 2005, Sud. V. Kavaliauskas, J. Širvinskas, S. Jegelevičius, Kaunas.

13. LŠS viršininko 1926 05 31 raportas Vyriausiojo štabo viršininkui, *LCVA*, f. 929, ap. 3, b. 560, l. 14.

14. Matusas, J. 1992, *Šaulių Sąjungos istorija.* Sud. A. Liekis, Vilnius.

15. Medelis, R. 1939, *Tautos mokykla.,* no 9, p. 191.

16. Nurodymai šauliams priedangai panaudoti 1940 04 16, *LCVA*, f. 561, ap. 18, b. 187, l. 44—48.

17. Raštikis, S. 1990, *Kovose dėl Lietuvos,* T. 1, Vilnius.

18. Šauliams mobilizacijos ir operacijų metu panaudoti nurodymai 1939 04 05, *LCVA*, f. 929, ap. 3, b. 1028, l. 30—36.

19. Šauliams panaudoti direktyva ŠADIR, 1938 10 03, *LCVA*, f. 929, ap. 3, b. 1028, l. 12—21.

20. *Trimitas,* 1924—1940.

21. Vaičenonis, J. 2001, *Darbai ir dienos,* T. 21, pp. 131—176.

22. Vaičenonis, J. 2002, Lietuvos šaulių sąjunga Valstybės gynyboje 1935—1940 m. In: *Lietuvos šaulių sąjungos istorijos fragmentai.* Red. J. Vaičenonis, S. Dovydaitis. Kaunas, pp. 110—119.

23. Vaitiekūnas, S. 2006, *Lietuvos gyventojai per du tūkstantmečius,* Vilnius.

24. Vareikis, V. 2004, Pasienio incidentai. (Lietuvos šaulių partizaninė veikla) [Border incidents. (Lithuanian Riflemen's guerrilla activities)], *Darbai ir dienos,* T. 40, pp. 109—128.

25. Žinios apie šaulius ir apginklavimą, 1934 m, *LCVA*, f. 929, ap. 5, b. 408, l. 1.

About author

Dr. Vytautas *Jokubauskas*, Department of History, Faculty of Humanities, Klaipeda University.

E-mail: pilsotas@yahoo. com